

А. П. КАЖДАН

**ЕЩЕ РАЗ ОБ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ВИЗАНТИИ IV—XI вв.**

(По поводу новой работы П. Лемерля)

Один из виднейших французских византинистов, П. Лемерль, выступил недавно на страницах журнала „Revue historique“ с обширной статьей, озаглавленной „Очерк аграрной истории Византии“. В подзаголовке — слово несколько ограничивая свою тему — автор указал: „Источники и проблемы“¹. Иначе говоря, он сам рассматривает свою работу как введение в аграрную историю Византийской империи, как предварительный очерк, как постановку проблемы².

Рецензируемая работа охватывает не весь период византийской истории: автор ограничивается рассмотрением лишь времени до XI столетия включительно. Избранную им эпоху П. Лемерль разделяет на три части: протовизантийский период (IV—VI вв.), византийское средневековье (VII—IX вв.) и апогей империи (IX—XI вв.). Последнему периоду посвящена большая часть статьи.

Если характеристика протовизантийского периода дана довольно суммарно, то изложение следующих частей строится по-иному: как во втором, так и в третьем разделе П. Лемерль исходит из источниковедческого анализа и только после детального разбора тех или иных памятников переходит к постановке проблем. Во втором разделе он рассматривает главным образом „Земледельческий закон“, останавливаясь в заключение на других источниках — преимущественно на „Житии Филарета“ и некоторых данных трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“. Значительно более многообразны источники, рассмотренные в третьем разделе: кратко упомянув „Василики“, которые П. Лемерль — на наш взгляд, справедливо — не считает источником, способным пролить свет на действительные отношения в Византии (т. 219, стр. 254, примеч. 2), он переходит к анализу нарративных памятников, „Трактата об обложении“, новелл X в. (это — наиболее обширная и, пожалуй, наиболее оригинальная часть исследования), сочинений Константина Багрянородного, трактатов по тактике, житий святых, деловых документов, „Пирь“, постановлений магистра Космы. Таким образом, автором последовательно рассмотрена основная масса византийских источников, проливающих свет на аграрную историю империи VIII—XI вв.

¹ P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — „Revue historique“, t. 219, 1958, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94.

² Предварительность своих выводов автор подчеркивает в самом начале статьи (т. 219, стр. 33).

Можно было бы, правда, упрекнуть П. Лемерля в том, что не все эти группы источников использованы с исчерпывающей полнотой (например, куда более обширные данные содержатся в „Пире“ или в нарративных источниках X—XI вв.); можно было бы также отметить, что некоторый материал по аграрной истории имеется в эпистографических памятниках (в частности, в переписке Николая Мистика и Михаила Пселла) или в монастырских уставах (например, в типике Бакуриани, относящемся к концу XI в.) и в постановлениях поместных соборов XI в., однако, повторяем, основные источники П. Лемерлем привлечены и рассмотрены.

Источниковедческий анализ весьма детален и позволяет иногда автору внести существенные исправления в общераспространенные взгляды. В этом отношении, пожалуй, наиболее важно проделанное П. Лемерлем критическое рассмотрение так называемой первой новеллы императора Романа Лакапина, которую обычно датировали 922 г. П. Лемерль пришел к выводу, что текст ее дошел до нас не в первоначальном виде и что дата ее не может считаться твердо установленной: некоторые источники относят ее ко времени Константина VII (т. 219, стр. 266). Иными словами, первым памятником аграрного законодательства императоров Македонской династии должна считаться новелла 934 г., изданная — добавим мы от себя — вскоре после восстания под руководством Василия Медной руки.

Основные проблемы, рассмотренные П. Лемерлем в рецензируемой статье, могут быть сведены к следующим:

1) проблема устойчивости Восточной Римской империи в IV—VI вв. (т. 219, стр. 40 сл.);

2) проблема изменений в аграрном строе империи к моменту издания „Земледельческого закона“ (т. 219, стр. 63 сл.);

3) вопрос о влиянии государства на византийскую сельскую общину (т. 219, стр. 58, 261 сл.);

4) вопрос о борьбе динатов и „убогих“ за землю в X в. (т. 219, стр. 278 сл.);

5) проблема церковной собственности (т. 219, стр. 280; т. 220, стр. 82)³;

6) проблема стратиготского землевладения (т. 220, стр. 43 сл.);

7) проблема крестьянской зависимости в X—XI вв. (т. 220, стр. 82 сл.).

Конечно, можно было бы к этому списку прибавить некоторые иные, также весьма существенные проблемы, например, вопрос о зарождении византийского иммунитета, привлекая в последнее время пристальное внимание многих ученых⁴. П. Лемерль ограничивается лишь крайне беглым, хотя и справедливо замечая, что термин *ἐξουσία* следует переводить не „иммунитет“, а „изъятие“ — т. 220, стр. 82, примеч. 1, однако избранные автором вопросы, несомненно, принадлежат к числу наиболее существенных для специалиста по аграрной истории Византии.

При рассмотрении этих проблем П. Лемерль сделал ряд новых наблюдений — иногда, впрочем, довольно спорных, однако нередко способствующих более глубокому пониманию процессов аграрного развития

³ Отметим, между прочим, что П. Лемерль, формулируя проблему, в одном месте (т. 219, стр. 268) говорит о собственности монастырской (*des couvents*), в другом (т. 219, стр. 280) — несколько непоследовательно — более широко: о церковной (*de l'Eglise*).

⁴ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XI, 1956, стр. 186 сл.; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 60 сл.; М. М. Фрейденберг. Эссеция в Византии XI—XII вв. — Ученые записки Великолукского пединститута, вып. 3, 1958, стр. 339 сл.

Византии. Среди оригинальных решений, предложенных П. Лемерлем, обращают на себя внимание в первую очередь следующие:

1) Рассматривая причины устойчивости Восточной Римской империи, он, в частности, указывает, что развитие крупной земельной собственности на Востоке не было (если не говорить об отдельных районах) столь значительным, как на Западе, и что статут крестьянина здесь не эволюционировал в направлении крепостничества: энапограф папирусов VI в. — это не крепостной крестьянин, не колон-серв, как выражается сам автор (т. 219; стр. 41 сл.); П. Лемерль подчеркивает далее, что крупные поместья на Востоке были раздроблены на несколько мелких хозяйств (т. 219, стр. 44).

2) Анализируя данные „Жития Филарета Милостивого“, П. Лемерль обращает внимание на то обстоятельство, что Филарет беспрепятственно раздавал свой скот и рабов, т. е. движимое имущество, но ни разу мы не слышим о раздаче земель; наоборот, его земли были разделены (*διεμερίσθη* — слово того же корня, что и *μερίσιμος*, „раздел“ в ст. 8 „Земледельческого закона“) соседними крупными и мелкими землевладельцами (т. 219, стр. 66 и особенно примеч. 4). Правда, П. Лемерль не делает, как нам кажется, всех необходимых выводов из своего наблюдения, однако проделанный им анализ „Жития Филарета“ позволяет приблизиться к решению проблемы, давно уже поставленной в византиноведческой литературе. Мы имеем в виду тот факт, что „Земледельческий закон“ ни разу не упоминает акта продажи земли, хотя и допускает обмен и заклад недвижимости⁵. М. Я. Сюзюмов полагал, что купля-продажа земли все же существовала в византийской деревне времен „Земледельческого закона“⁶, и П. Лемерль, по существу, следует за ним, приводя те же аргументы в защиту этого тезиса (т. 219, стр. 58, примеч. 6). Не вдаваясь сейчас в обсуждение этого вопроса во всей полноте, мы хотели бы лишь отметить, что проделанный П. Лемерлем анализ данных „Жития Филарета“ должен бы, скорее, привести к обратному решению вопроса: из „Жития“ следует, что право собственности на движимость и недвижимость в византийской деревне VIII в. было различным.

3) В противоположность традиционным представлениям о пронии как о земельном пожаловании П. Лемерль рассматривает солемний (т. е. особую форму передачи частному лицу или монастырю некоторой квоты государственных налогов) как институт, предшествовавший пронии (т. 219, стр. 265)⁷.

4) По-новому трактует П. Лемерль известные термины новелл X в. „динаты“ и „убогие“. Динаты, по его мнению, это отнюдь не богатые люди и тем более не крупные земельные собственники, но чиновники, тогда как „убогие“ (*πένητες*) — не обязательно бедняки. „Это, — говорит

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона“). — ВС, стр. 122 сл.

⁶ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по „Земледельческому закону“. — ВВ, X, 1956, стр. 35 сл.

⁷ В этой связи мы хотели бы остановиться на одной фразе историка конца XI в. Михаила Атталиата о пронии; эти слова, насколько нам известно, до сих пор еще не привлекали внимания исследователей. Атталиат рассказывает, что Михаил VII (1071—1078) во время голода ничего не раздавал ни знати, ни народу — ни из царских сокровищ, ни из иной пронии (*οὐδὲν ἐκ τῶν βασιλικῶν θησαυρῶν ἢ τῆς ἄλλης προνοίας*. — Michael Attaliota. *Historia*. Bonnæ, 1853, p. 211. 15—17). Здесь слово „прония“ имеет смысл „источник дохода“; его нельзя понимать ни в его основном значении — „забота, попечение“, ни тем более в значении „земельное пожалование“. Несколько иначе это место передано Продолжателем Скилицы (Georgius Cedrenus, vol. II. Bonnæ, 1839, p. 725. 3—4).

П. Лемерль, — класс, слабый не в экономическом, а в социальном отношении⁸. И далее он замечает: „Мы наблюдаем переходную эпоху (*une époque de transformation*), которая характеризуется, как большая часть переходных эпох, тем, что обе иерархии, социальная и экономическая, уже или еще не совпадают между собой“ (т. 219, стр. 279)⁸. Из этого наблюдения, кстати сказать, вытекает критическое отношение П. Лемерля к теории об „отливе капитала в деревню“ (т. 220, стр. 93), весьма распространенной в зарубежной византистике и неоднократно подвергавшейся критике советскими учеными (о чем, впрочем, П. Лемерль не упоминает).

5) Убедительно замечание П. Лемерля о необоснованности традиционных расчетов размеров церковной собственности накануне иконоборчества ($\frac{1}{3}$ всех земель) (т. 219, стр. 280)⁹.

6) Интересна предложенная П. Лемерлем трактовка вопроса о роли так называемой класмы (заброшенной земли, изымавшейся у общин). П. Лемерль показывает, что распространение системы класм лишь внешне приносило облегчение общинникам, освобождавшимся от обязанности платить налоги за эту землю, на деле же система класм вела к экономическому ослаблению общин (т. 219, стр. 263).

7) Но, пожалуй, наиболее оригинальной гипотезой, предложенной П. Лемерлем и занимающей центральное место в его построениях, является новая трактовка вопроса о стратиотском землевладении. П. Лемерль приходит к выводу, что в источниках VII—IX вв. нет упоминания солдатских наделов (*biens militaires*) (т. 219, стр. 71). Развивая эту мысль далее, он утверждает, что стратиот X в. не был солдатом, солдат обозначался тогда термином *στρατιώτης* (т. 220, стр. 49 сл.). Стратиот же (иначе — держатель стратиотского надела, *le détenteur de la strateia*) был обязан лишь экипировать и содержать воина (т. 220, стр. 68). Система стратиотских наделов, которая приобрела в X в. широкое распространение, имела, по мнению П. Лемерля, исключительно финансовый (фискальный) смысл: она затрагивала только формы экипировки войска (т. 220, стр. 67)¹⁰.

⁸ Укажем попутно, что этот вопрос ставился в советской историографии. О сложности термина *τέλης*, обозначавшего подчас состоятельного горожанина-землевладельца, см. А. П. Каждан. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. — ВВ, VIII, 1956, стр. 91 сл. Более существенное значение для построений П. Лемерля имело бы высказанное в советской литературе соображение о наличии двух прослоек в господствующем классе Византии, о незавершенности процесса консолидации господствующего класса (М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — Ученые записки Свердловского пединститута, вып. 4, 1948, стр. 68; А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, стр. 82 сл.). Вместе с тем несомненно, что во многих случаях термин *τέλης* обозначал бедняков в прямом смысле этого слова (ср. особенно *Attaliota. Historia*, p. 276. 6.). В числе динатов, с другой стороны, находились духовные лица (см., например, *Jus*, III, p. 254. 26), т. е. лица, не принадлежавшие непосредственно к чиновничеству; провинциальная знать, не служившая в императорских секретах, тем не менее носила высокие титулы и принадлежала к числу динатов (несомненно, к числу динатов относился, допустим, патрикий Константин Далассин, хотя он и пребывал в своем поместье — *Sedgenus*, II, p. 506. 23; могущественного сеньора побаивался сам Иоанн Орфантроф). Это свидетельствует, что социальная структура византийского общества была более сложной, чем это представляет П. Лемерль.

⁹ См. критические замечания по поводу этих выкладок: М. В. Левченко. Церковные имущества в V—VII вв. в Восточно-Римской империи. — ВВ, II, 1949, стр. 18 сл.

¹⁰ Вопрос о стратиотских наделах заслуживает специального рассмотрения, однако уже сейчас нам хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего бесспорно, что подавляющее большинство источников IX—XI вв. пользуется

Итак, рецензируемая работа и по охвату источников, и по кругу поставленных проблем, и по свежести предложенных решений, несомненно, заслуживает внимания. Однако мы сразу же должны сказать, что основная концепция автора, последовательно проводимая на всем протяжении статьи, представляется нам совершенно неприемлемой. В чем же состоит эта концепция П. Лемерля?

Подобно христианскому богу, эта концепция едина и вместе с тем имеет три ипостаси, три тезиса, последовательно вытекающих один из другого. П. Лемерль начинает свою статью с нескольких замечаний по поводу советского византиноведения. Он признает успехи советских византинистов в последние годы и отмечает, что их точка зрения является интересной и плодотворной. Однако, продолжает П. Лемерль, полученные ими результаты не представляются убедительными (т. 219, стр. 32). Здесь мысль автора выражена еще слишком вежливо и слишком туманно, чтобы можно было понять, в чем суть дела. Гораздо более прямо П. Лемерль говорит в одном из примечаний: „Я не мог бы сказать, что они (имеются в виду „многочисленные статьи русских ученых“. — А. К.) действительно по-новому осветили вопрос“. Зато, продолжает он, большинство этих исследований отличается применением термина „феодальный“, что кажется П. Лемерлю насилием над действительностью (т. 219, стр. 267, примеч. 1).

Из первого постулата П. Лемерля („советская наука не внесла чего-либо нового в вопрос об аграрной истории Византии, кроме произвольного употребления термина феодализм“, — так мы могли бы его сформулировать) вытекает второй тезис: отрицание вывода о существовании феодальных отношений в Византии. В самом конце своей статьи П. Лемерль утверждает, что в отношении Византии следует всячески избегать применения терминов „феодальный“, „сеньориальный“ и т. п., имеющих определенную традицию и не связанных с византийской действительностью (т. 220, стр. 89)¹¹.

термином *στρατιώτης* именно для обозначения воинов (см., например, „Тактика Льва“, IX, 1, 3, 75 и другие места). Поэтому следовало крайне тщательно обосновать положение, что в новеллах X в. этот термин имеет иной смысл. П. Лемерль исходит из того факта, что новелла Константина VII говорит о передаче стратиготского надела родителям стратиота после его смерти и о возможности раздела стратиготского участка между несколькими лицами. На основании этого П. Лемерль заключает: а) отец не может наследовать сыну в несении военной службы, б) невозможно, чтобы несколько человек выполняло — в равных или в неравных долях — службу одного воина. Следовательно, стратиот — это не воин, а лишь держатель надела, обязанный обеспечить воина. Мы позволим себе не согласиться с аргументацией П. Лемерля. Отец воина мог быть пригодным к военной службе человеком и в силу этого наследником воина. Михаил Атталиат, описывая битву при Никее в 1057 г. между войсками Михаила VI и Исаака Комнина, восклицает: „И вот уже отец и сын, забыв о родстве, не стыдятся звать друг друга к сражению, и сын окверняет десницу убийством отца“ (*Attaliota. Historia*, p. 55. 15—17). Значит, сын и отец могли быть воинами в одно и то же время, и поэтому нет ничего невероятного в том, что закон предусматривал возможность перехода воинского участка от сына к отцу. Что же касается поставки одного воина несколькими крестьянскими хозяйствами, то это — факт, хорошо известный, в частности, на родине П. Лемерля, во Франкском королевстве, при Карле Великом: по существу, аналогичное мероприятие предусматривал и Никифор I, обязавший общинников помогать несению военной службы беднейшими крестьянами (см. G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 169).

¹¹ Любопытно отметить, что единственный „союзник“, которого упоминает П. Лемерль в своем стремлении отвергнуть представление о византийском феодализме, это французский историк Р. Геньеро (т. 220, стр. 43, примеч. 2), чья поверхностная работа была в свое время подвергнута уничтожающей критике П. В. Безобразовым (ВВ, VII, 1900, стр. 165 сл.).

Из второго тезиса (отрицание византийского феодализма) вытекает третье и последнее принципиальное положение рецензируемой статьи: коль скоро Византия не была феодальным государством, коль скоро она оставалась государством древним (*l'état ancien* — т. 220, стр. 89), основным принципом, пронизывающим аграрный строй Византийской империи, оказывается традиционализм. Сохранение традиций является, по мысли автора, характерным для Восточной Римской империи в IV—VI вв. (т. 219, стр. 49). Между протовизантийским периодом и византийским средневековьем, утверждает П. Лемерль, мы не можем проследить какого-либо существенного различия (т. 219, стр. 74). Не было существенных перемен и в конце IX в. (т. 219, стр. 255). Свободная община с присущими ей формами эксплуатации рабского и наемного труда сохраняется на протяжении всей византийской истории (т. 220, стр. 92) и т. д.

Рассмотрим последовательно все три тезиса, выдвинутые П. Лемерлем.

Отношение П. Лемерля к советской византистике чрезвычайно показательное для современного момента: он не замалчивает работы советских ученых, наоборот, он неоднократно ссылается на статьи М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, М. А. Абрамсон, К. А. Осиповой, автора этих строк; из некоторых его замечаний видно, что общее содержание этих работ ему знакомо. Но мы позволим себе заметить, что эти работы не были достаточно внимательно изучены П. Лемерлем, хотя он и утверждает, что их выводы неубедительны и что они не содержат чего-либо нового. Приведем несколько примеров.

П. Лемерль стремится доказать, что крупное землевладение всегда существовало в Византии. В этой связи он выдвигает тезис, что иконоборчество не выступало против церковного землевладения и что поэтому церковь в VIII—IX вв. сохранила свои земли. В подтверждение этого тезиса П. Лемерль ссылается на известную статью М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества“ (т. 219, стр. 69). Однако только человек, абсолютно не разобравшийся в статье М. Я. Сюзюмова, мог бы в аналогичном случае сослаться на его работу. М. Я. Сюзюмов действительно считал, что иконоборчество не было „идеологической оболочкой борьбы против монастырского землевладения“¹², но он выдвигает этот тезис только после того, как, рассмотрев разнообразие данные о состоянии монастырских имуществ в VII—начале VIII в., приходит к выводу о „крахе монастырского и церковного хозяйства“. „В бурный период VII и начала VIII века, — пишет М. Я. Сюзюмов, — колоссальные угодья и энапографы были растеряны как светскими, так и духовными крепостниками“¹³. Легко можно видеть, что мысль М. Я. Сюзюмова в данном случае прямо противоположна мысли П. Лемерля.

Мы уже имели возможность подчеркнуть интересные тезисы П. Лемерля, выдвинутые в объяснение причин устойчивости Восточной Римской империи (см. выше, стр. 94). Все эти характерные черты аграрных отношений IV—VI вв., кроме сентиментального и ошибочного замечания, будто экономика восточноримской деревни до середины VI в. не знала кризисов и положение крестьян не было жалким (т. 219, стр. 42), были уже намечены в советской литературе¹⁴.

¹² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . . , стр. 89.

¹³ Там же, стр. 88.

¹⁴ См. хотя бы А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 95: „У нас нет данных для ответственного предположения, будто в период Римской империи происходит коренное перераспределение земельной собственности, в результате чего

При анализе „Земледельческого закона“ П. Лемерль не учитывает многие проблемы, впервые поставленные в советской историографии, и в том числе в цитируемых им статьях. Одним из центральных вопросов, по нашему мнению, является вопрос о соотношении „Земледельческого закона“ и западноевропейских варварских правд — вопрос, выдвинутый впервые Е. Э. Липшиц¹⁵. Действительно, коль скоро П. Лемерль стремится выяснить отличие путей аграрного развития феодального Запада и „нефеодальной“ Византии, ему необходимо в первую очередь выяснить сходство и отличие византийской и западной общины. Этот вопрос не поставлен в рецензируемой статье (как не поставлен он, впрочем, ни в одной из работ западноевропейских византинистов).

П. Лемерль справедливо выступает против теории К. Э. Цахариа фон Лингентала о существовании в византийской общине периодических переделов и трактует выражение *μερισμός* „как раздел“ (т. 219, стр. 59). Он не учитывает при этом, что одним из важнейших аргументов в пользу этого тезиса является ссылка в одной из лаврских грамот, говорящей о разделе между жителями Иериссо и афонскими монахами, на „решение знаменитого магистра Косьмы“, т. е. как раз на известное постановление магистра Косьмы о *μερισμός*, служившее для Ф. И. Успенского и некоторых других исследователей свидетельством (неправильно понятым) в пользу наличия в византийской деревне периодических переделов. Этот аргумент был тоже выдвинут в советской историографии¹⁶.

Анализируя известие Константина Багрянородного о привилегиях, полученных Патрской митрополией, П. Лемерль не ссылается на работы советских ученых, исследовавших этот текст¹⁷. Это, между прочим, приводит его к досадной неточности: выражение *ἀπαρρηξέσθαι* П. Лемерль переводит „вводить дополнительный налог“ (т. 219, стр. 67, примеч. 4), тогда как это слово обозначает „переводить на деньги, коммутировать“¹⁸.

П. Лемерль рассматривает известие Продолжателя Феофана о попытке Василия I ввести реформу обложения (т. 219, стр. 256 сл.), не учитывая, что этот эпизод рассматривался в советской историографии, причем были получены иные выводы¹⁹. Без учета развернувшейся в советской византинистике дискуссии²⁰ дает П. Лемерль определение термина „проаствий“ (т. 219, стр. 260, примеч. 3). П. Лемерль повторяет слова А. П. Рудакова о том, что агиография не применяет термина

мелкое землевладение вытесняется крупным“. Однако, в отличие от П. Лемерля, мы старались показать, что мелкое землевладение сохранялось и даже укреплялось также и в некоторых западных провинциях. Не только эта работа, но и вся дискуссия о переходе к феодализму в Римской империи (см. „Проблема падения рабовладельческого строя“. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—13), осталась неизвестной П. Лемерлю.

¹⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 132 сл.

¹⁶ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 81.

¹⁷ См., например, Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 124.

¹⁸ См. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. — ВВ, XI, 1956, стр. 114. Как известно, начиная с VI в. слово *ἀπαρρηξέσθαι* имеет значение латинского *adaeratio* (см. Н. G. Liddle — R. Scott. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953, s. v.).

¹⁹ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии. — ВВ, X, 1956, стр. 63.

²⁰ См., например, М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 59 сл.

„парик“ ранее X в. (т. 220, стр. 87, примеч. 2), хотя в действительности этот термин можно встретить в житиях VIII—IX вв.²¹

Число таких примеров можно было бы значительно расширить. Мы совершенно сознательно говорили до сих пор о случаях сравнительно частного с советской литературой, или о тех случаях, когда П. Лемерль, сам того не зная, приходит к результатам, полученным до него советскими учеными. Но если это так, если он действительно недостаточно знаком (допустим, в силу трудности русского языка) с работами советских ученых, не следует ли предположить, что П. Лемерлю осталась недостаточно ясной и концепция византийского феодализма?

Переходим теперь ко второму постулату П. Лемерля. Что же понимает он под феодализмом и каким образом он доказывает отсутствие феодализма в Византии?

И вот тут-то обнаруживается самое любопытное. В работе, определенным образом ориентированной против советского византиноведения, против его основной концепции — концепции византийского феодализма, — мы не встретим серьезной попытки разобраться в этой концепции, понять, на чем она основана, опровергнуть ее. П. Лемерль, как мы видели, не устает повторять, что термин „феодалный“ не применим к Византии, что в Византии не было феодализма, но все это остается в его работе лишь простой декларацией.

Проблема византийского феодализма не впервые всплывает в буржуазной историографии. В конце 40-х и в начале 50-х годов буржуазные византилисты много писали о феодализме в Византии. Правда, понятие „феодализм“ распространялось преимущественно на сферу политической надстройки и рассматривалось как элемент процесса децентрализации государства: феодализация империи молчаливо отождествлялась с распадом государственного организма²². Далее, внедрение феодальных институтов связывалось преимущественно с западными влияниями, с проникновением крестоносцев в первую очередь²³. Наконец, буржуазные исследователи, даже признавая наличие в Византии феодальных институтов или процесса феодализации, никогда не рассматривали византийское общество как феодальное, как обладающее определенными феодальными общественными противоречиями: представление о феодальной общественно-экономической формации казалось им „прокрустовым ложем“, мешающим историческому исследованию²⁴. Только в работах Г. А. Острогорского мы встречаем попытку рассмотреть

²¹ См. А. П. К а ж д а н. Формирование феодального поместья... стр. 109, примеч. 86.

²² См. из числа последних работ: J. D a n s t r u p. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1200. — „Classica et Mediaevalia“, vol. 8, 1946, p. 229 f.; P. C h a r a n i s. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. — „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“. Princeton, 1951, p. 352; K. M. S e t t o n. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. — „American Journal of Philology“, vol. 74, 1953, p. 240 f.; D. A. Z a k y t h i n o s. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 50, 58, 146.

²³ G. R o u i l l a r d. La vie rurale dans l'Empire Byzantin. Paris, 1953, p. 147.

²⁴ Ф. Дэльгер, который допускал наличие процесса феодализации в Византии (F. D ö l g e r. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. — BZ, Bd. 39, 1939, S. 59) — впрочем, под западным влиянием (idem. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 228, 271) — не может без раздражения слышать о феодальной формации (его же. Рецензия на кн.: „Aus der byzantinischen Arbeit der DDR“. — BZ, Bd. 50, 1957, S. 437).

феодализм как определенную систему господства и подчинения²⁵.

Тенденция к признанию византийского феодализма, наметившаяся (со всеми вышеуказанными оговорками) в зарубежной историографии послевоенного периода, в самые последние годы встретила откровенную реакцию, и нам думается, что эта реакция порождена не столько изучением „источников и проблем“, сколько борьбой против проникновения „советских влияний“ в науку вообще и в византиноведение в частности. Эта реакция до сих пор проявлялась преимущественно в рецензиях²⁶. П. Лемерль впервые, если мы не ошибаемся, попытался отвергнуть тезис о византийском феодализме в исследовательской статье.

Однако дискуссию о византийском феодализме нельзя вести так, как это делает П. Лемерль, — при помощи простого отрицания *термина* „феодализм“. Да и начинать ее надо с иного конца — с последних столетий византийской истории. Дело в том, что только для XIII—XIV вв. мы располагаем сравнительно массовым материалом — деловыми документами, позволяющими получить детальное представление о внутреннем строе византийской деревни. Анализ этих документов приводит нас к выводу о глубоком сходстве поземельных отношений в Византии и странах „классического феодализма“. Мы не станем подробно пересказывать работы византологов-марксистов, показавших, что Византии XIII—XV вв. присущи были основные формы феодальной собственности (при наличии крестьянского владения)²⁷, феодальной ренты, внеэкономического принуждения²⁸. Отношение П. Лемерля к работам советских византистов-аграрников, „неубедительным“, по его словам, и „не дающим чего-либо нового“, нам уже знакомо. Мы ограничимся тем, что приведем высказывание весьма далекого от марксизма немецкого ученого, авторитетнейшего на Западе византиста Ф. Дэльгера. „После всего вышесказанного, — писал Ф. Дэльгер, — мы должны представлять себе поместный строй (*die grundherrschaftlichen Verhältnisse*) средне- и поздневизантийского времени аналогично отношениям на Западе...: господский двор с дворовыми и строения типа казарм для неимущих батраков (*ἀκτήμονες, καπνιχάριοι*), стойла для домиального рабочего скота (*σευγάρια*), сараи с инвентарем и т. п.... Кругом „салическая земля“ (*Salland*). — Ф. Дэльгер смело и, на наш взгляд, справедливо обращается здесь к западному термину. — А. К.), т. е. обширная, частично обработанная, частично используемая под пастбища территория, которая возделывается либо трудом неимущих париков, либо при помощи барщин (*Fron- und Spanndienste*) париков, наделенных землей...“²⁹. Мы не станем цитировать до конца: и из при-

²⁵ См. особенно G. Ostrogorski. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine*. Bruxelles, 1956; ср. его же. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958.

²⁶ Особенно в некоторых рецензиях на работы Г. Острогорского. Всего ярче эта реакция проступает в рецензии ученика Ф. Дэльгера, мюнхенского византиста И. Караяннопулоса (ВЗ, Bd. 50, 1957, S. 168 f.).

²⁷ Мы имеем в виду то, что Г. А. Острогорский, следуя за советскими учеными, называет двойственностью, или антиномией, характерной для поземельных отношений феодального общества (G. Ostrogorski. *Quelques problèmes d'histoire*, p. 62).

²⁸ См., например, Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв. — ВВ, X, 1956 (и другие работы); А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. Ср. также Д. Ангелов. Принос к поземелените отношения във Византия през XIII век. — Годишник на философско-историческия факултет, кн. 2. София, 1952; его же. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958; E. Werner. *Formen der Feudalrente auf dem Balkan*. — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, VII, 1959.

²⁹ F. Dölger. *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, S. 253, A. 75.

веденного видно, что обилие материала, относящегося к поздневизантийскому периоду, заставляет объективного исследователя, даже чуждого марксистской методологии, признать наличие принципиального сходства между поместным строем на Западе и в Византии. Поэтому нельзя не высказать сожаления, что статья П. Лемерля ограничилась только IV—XI вв. и что автор остановился (впрочем, может быть, не случайно) как раз перед теми источниками, которые свидетельствуют о сходстве аграрного строя Византии с поземельными отношениями западного средневековья.

Здесь мы должны позволить себе одно отступление. В начале статьи П. Лемерль с большой похвалой отзывается о не опубликованном еще „синтетическом исследовании“ Н. Свороноса в области аграрных отношений в Византии (т. 219, стр. 32). Н. Своронос, насколько мы можем судить по одной из его статей, как раз и предпринял попытку сделать то, чего не сделал П. Лемерль: сравнить аграрные отношения Византии и Запада и установить существование между ними принципиального различия. Это различие Н. Своронос видит в том, что в Византии основная масса земли крупных собственников находилась в руках крестьян³⁰. Преобладание мелкой обработки земли объясняет, по мнению Н. Свороноса, то обстоятельство, что Византия упорно сопротивлялась принятию политических форм, присущих феодализму³¹.

С теорией Н. Свороноса нельзя согласиться. Прежде всего Н. Своронос недостаточно знаком с экономической историей средневековой Западной Европы, иначе он не стал бы смешивать вопрос о структуре феодальной вотчины с вопросом о феодализме. В Англии XIII в. мы можем найти немало количество атипических маноров со значительным преобладанием крестьянских наделов над домениальной землей (особенно в восточных и северных графствах)³². В Западной Германии XIV—XV вв. господский двор был обычно невелик, да и на нем хозяйство вел мейер, присваивая себе доходы в качестве вознаграждения за свою службу. Только со второй половины XV в. наблюдается здесь рост барской запашки и барщин³³. Поместья самой различной структуры были тем не менее феодальными поместьями, коль скоро они представляли собой организацию для взимания феодальной ренты.

Но действительно ли прав Н. Своронос, утверждая, что Византия не знает крупных вотчин с барщинным трудом?

Выводы Н. Свороноса обоснованы лишь двумя примерами (практик Ивирского монастыря от 1301 г. и опись владений иеромонаха Калликника в деревне Мамидона от 1323 г.), относящимися к одному району и к одному и тому же отрезку времени. Тем не менее автор распространяет свои выводы и на всю территорию империи, и на все тысячелетие ее существования. Далее, выводы Н. Свороноса прямо противоречат наблюдениям, сделанным другими исследователями вопроса. Уже Ф. Дэльгер обратил внимание на то, что в поместье Варис (округ Алопекон, близ Милета, опись 1073 г.) $\frac{4}{5}$ всех земель составлял домен³⁴. Г. А. Острогорский, специально занимавшийся вопросом о соотноше-

³⁰ N. G. Svoronos. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation. — „Annales“, vol. 11, 1956, № 3, p. 329 sq.

³¹ Ibid., p. 335.

³² Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947, стр. 121 сл.

³³ М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, стр. 56 сл.

³⁴ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 221.

нии сеньориальных и крестьянских владений, пришел к выводу, что лишь меньшая часть земли приходилась на подворные участки крестьян, а бóльшая оставалась в непосредственном владении сеньора³⁵. При этом Г. А. Острогорский прямо подчеркивал, что владения хиландарского иеромонаха Каллиника (т. е. именно те, опись которых была использована Н. Свороносом) представляют собой (наряду с владениями пронара Михаила Мономаха, опись 1333 г.) исключение³⁶. Другой крайностью, например, была опись метоха Стомий, принадлежавшего Ксенофонову монастырю, где 2100 модиев земли составляли домен и только 70 модиев были в руках париков³⁷. При этом известно, что часть домениальной земли сдавалась в аренду, другая же часть возделывалась при помощи крестьянских барщин. Размеры барщин варьировали от семи дней в году (в XIII в.) до одного-двух дней в неделю (середина XIV в.)³⁸. В соседних областях Средней и Северной Македонии размеры барщин колебались от трех до ста дней в году³⁹. Все это свидетельствует о необоснованности теории Н. Свороноса и об отсутствии принципиального отличия в обработке крупных земельных владений в Византии и в странах „классического феодализма“.

Итак, можно констатировать, что там, где мы располагаем достаточным количеством источников (т. е. применительно к последнему периоду византийской истории), феодальная природа византийской экономики встает перед нами достаточно ясно. Это, разумеется, не означает, что она не имела здесь своих специфических особенностей, обусловленных своеобразием природных условий (небольшие горные долины с преобладанием виноградарства и скотоводства, конечно, благоприятствовали развитию мелкого крестьянского хозяйства как на владельческих, так и на арендованных землях) и определенными историческими традициями.

Гораздо меньше данных имеется в нашем распоряжении относительно рассмотренного П. Лемерлем периода „апогея империи“, однако и их достаточно, чтобы говорить о наличии феодальной ренты, феодальных форм собственности и внеэкономического принуждения⁴⁰. Памятникам этого времени знакомы барщины-ангарии⁴¹; известно, например, что мистии Патмосского монастыря в конце XI в. работали в монастырском хозяйстве пять дней в неделю⁴², что, кстати сказать, противоречит теории Н. Свороноса об отсутствии домениального хозяйства в Византии. О значительных размерах отработочной ренты в болгарских фемах на рубеже XI—XII вв. свидетельствует переписка Феофилакta Охридского⁴³.

³⁵ Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. — BS, vol. 9, 1948, p. 238.

³⁶ Там же, стр. 240, примеч. 116.

³⁷ Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв., стр. 129.

³⁸ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 118.

³⁹ Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония, стр. 162.

⁴⁰ См., например, оставшиеся неизвестными П. Лемерлю работы: Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии XI—XII вв. — Ученые записки Института славяноведения, т. 14, 1956, стр. 226 сл.; М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII веках. — Ученые записки Великолуцкого пединститута, 1956, стр. 105 сл.

⁴¹ Jus, vol. III, p. 247.2—6; Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 148. 12—14.

⁴² См. А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. — Ученые записки Тульского пединститута, вып. 2, 1951, стр. 81.

⁴³ Г. Г. Литаврин. Крестьянство... , стр. 246.

Больше известий сохранилось о ренте натурой. Здесь можно указать на письма патриарха Николая Мистика (901—907 и 912—925), которые, как мы уже отметили выше, не были вовсе использованы П. Лемерлем. В письме, адресованном неизвестному, патриарх Николай говорил о деревне, обязанной поставлять пшеницу одной из церквей: эта пшеница шла как на изготовление просфор, так и на пропитание клира⁴⁴. В другом письме, также адресованном неизвестному, Николай упоминает о лицах, обязанных ежегодной рентой воском; церковь, по его словам, не должна переобременять этих людей и незаконно обогащаться за их счет⁴⁵. Наконец, в третьем письме Николая идет речь о лицах, освобожденных от государственных податей, но зато обязанных платить ренту Великой церкви; в другом месте эта рента названа „служба, иначе оброк капустой (τὴν τῆς κράμβης συντέλειαν)“⁴⁶.

Еще более отчетливый характер феодальной ренты носит так называемый каниский („корзиночка“), который в XI в. в некоторых местах состоял из буханки хлеба, курицы, модия ячменя и полумеры вина⁴⁷.

Мы можем отметить в источниках XI в. данные (правда, довольно скудные) о коммутации некоторых натуральных платежей — как государственных, так и частновладельческих. Известно, что одной из основных причин восстания в Болгарии в 1040 г. явилась коммутация Иоанном Орфанотрофом натуральных налогов, которые болгарское население уплачивало пшеницей, просом и вином⁴⁸. Определение константинопольского поместного собора от 1089 г. отмечает, что афинская митрополия издавна имела в Декелее земли, которые сдавала в аренду за десятую долю вина. Митрополит Иоанн заменил натуральную ренту денежной, что оказалось невыгодным для митрополии. Константинопольский собор постановил вернуться к старому порядку; это постановление распространялось и на виноградники, поля, усадьбы и мельницы, принадлежавшие митрополии в Фивах⁴⁹.

Кстати сказать, эта тенденция к коммутации натуральных повинностей в XI в. хорошо увязывается с фактом усиления товарного обращения в этом столетии⁵⁰.

Точно так же, как мы можем наметить существование феодальной ренты в X—XI вв., возможно проследить и наличие феодальной зависимости: парики, проскафимены, зависимые влахи не были в эту пору

⁴⁴ PG, t. 111, col. 260. B.

⁴⁵ Ibid., col. 273. B—C.

⁴⁶ Ibid., col. 380. С. А. Васильев (рецензия на кн. П. Я. Яковенко. — ЖМНП, т. 20, 1909, апрель, стр. 435), не учитывая, по-видимому, всего контекста этого письма, ошибочно полагал, что речь идет о „разновидности налога на овощи“. Уплата подобного налога не могла бы, разумеется, служить основанием для освобождения крестьян от государственных повинностей.

⁴⁷ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона, Киев, 1873 (этот сборник актов не использован П. Лемерлем), стр. 158.20. В грамоте царского нотариуса Иоанна Катафлорона от 1079 г. он определен в несколько ином размере: буханка, курица, 7 модиев ячменя и 3 меры вина (G. Rouillard — P. Collot mр. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 32. 19—20).

⁴⁸ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 85.

⁴⁹ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ. — ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 38.12—39.13; Ф. И. Успенский (там же, стр. 4) датировал это определение 1107 г., не учтя, что упомянутый в нем афинский митрополит Никита, возбудивший вопрос о десятине, умер в апреле 1103 г. (См. V. Grumel. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople, vol. I, fasc. 3. Constantinople, 1947, № 952).

⁵⁰ Это устанавливается на основании анализа нумизматического материала: находки дают несравнимо больше монет XI, нежели X в.

„рабами земли“, прикрепленными к своему *origo*, подобно зависимому населению эллинистических и римских общин Малой Азии и Сирии. Это были люди, зависевшие от своего сеньора, хотя и имевшие в XI в. еще право перехода. В этой связи П. Лемерлю следовало бы остановиться на письме известного писателя и политического деятеля XI в. Михаила Пселла: Пселл сообщает, что парики некоего Патрикия, сына Иканатиссы, задумали покинуть владения своего господина, и просит влиятельного чиновника воспрепятствовать переселению париков⁵¹. Еще Э. Штейн полагал, что византийские крестьяне X в., в отличие от ранневизантийских, пользовались свободой передвижения⁵². Только на протяжении XII—XIII вв. в Византии устанавливаются крепостнические отношения и исчезает свобода перехода частновладельческих крестьян. Государственные крестьяне потеряли свободу перехода значительно раньше.

Итак, мы вправе говорить о сходстве экономических условий в Византии и странах „классического феодализма“ не только в XIII—XV вв., но и накануне крестовых походов. Недаром Ф. Дэльгер, полагавший, что феодализм (под этим термином он понимает лишь политическую надстройку феодального общества) сложился в Византии под влиянием крестоносцев, утверждал, что самая возможность восприятия этого „привнесенного“ феодализма была обусловлена сходством экономических отношений на Востоке и Западе⁵³. В отличие от Ф. Дэльгера мы, однако, считаем, что в Византии X—XII вв. существовала и феодальная надстройка, а именно вотчинная юрисдикция, элементы феодальной иерархии и др.⁵⁴ Недаром Византия еще до крестоносцев знала феодальные фиды⁵⁵.

Все это показывает, что проблема византийского феодализма гораздо более сложна, чем это представляет себе П. Лемерль: от византийского феодализма нельзя отмахнуться несколькими общими замечаниями относительно термина „феодальный“. Мы готовы спорить с П. Лемерлем о византийском феодализме, но для того, чтобы споры эти были плодотворными, необходима одна предпосылка: необходимо, чтобы П. Лемерль внимательно ознакомился с работами советских византинистов (как мы — с его работами) и рассмотрел те аргументы, которые были выдвинуты в защиту этого тезиса до сих пор. При том подходе к проблеме, который, к сожалению, имеет место в рецензируемой работе, платформы для плодотворной дискуссии еще нет.

Но если отрицание П. Лемерлем византийского феодализма не основано, как мы старались показать, на тщательном изучении источников и литературы вопроса, а является совершенно декларативным, то возникает законное недоумение: почему же этот постулат столь дорог французскому исследователю? Нам думается, что разгадка этого кроется

⁵¹ С. Sathas. *Bibliotheca graeca mediae aevi*, vol. V. Venetia—Paris, 1876, p. 381.4—5.

⁵² E. Stein. *Vom Altertum im Mittelalter*. — „*Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*“, Bd. 21, 1928, S. 161 f.

⁵³ F. Dölger. Рецензия на работу Д. Закифиноса. — *BZ*, Bd. 49, 1956, S. 498.

⁵⁴ А. П. Каждан. *Формирование феодального поместья...*, стр. 117 сл.; Г. Г. Литаврин. *Крестьянство...*, стр. 247 сл.

⁵⁵ Так, при Константине VIII (1025—1028) Василий, сын Романа Склира, пошел войной на магистра Прусиана (*Cedrenus*, vol. II, p. 483.4—7); немногим позднее вспыхнула война в феме Анатолик между Георгием Маниаком и его соседом Романом Склиром; последний был вынужден бежать из собственных владений (*ibid.*, p. 547.16—19). В 1042 г., воспользовавшись отсутствием Маниака (он был с войсками в Италии), Роман Склир напал на его деревни и подверг их разграблению (*ibid.*, p. 548.2—3).

в связи тезиса о феодализме с третьим звеном концепции П. Лемерля — с тезисом об отсутствии коренных изменений во внутреннем строе Византийской империи.

Объективно в настоящее время представление о застойности Византии является попыткой „научно“ обосновать политически вредный тезис о коренной противоположности восточного и западного мира, причем в этой концепции западный мир наделяется чертами носителя прогресса, тогда как восточный (в том числе и Россия, которая изображается пассивной восприимчивой византийской цивилизации) оказывается оплотом консерватизма и деспотизма. Таков объективный политический смысл этой концепции, и ученому, как бы он ни призывал к беспристрастному анализу источника, нельзя забывать о том здании, в которое он вкладывает кирпичи своих идей. Однако вернемся к самим источникам и посмотрим, дают ли они основание для подобных утверждений.

Сравнивая византийское средневековье с протовизантийским периодом, П. Лемерль, как мы уже говорили, утверждает, что не было принципиального различия между обеими эпохами. Он основывается при этом на следующих критериях:

- 1) обе эпохи знают мелкую и крупную собственность;
- 2) крупной собственности обоих периодов присуща дробность;
- 3) для обоих периодов характерно сосуществование свободных крестьян и колонов-париков;
- 4) и в протовизантийский период, и в византийское средневековье существовал принцип совместной ответственности перед фиском за регулярное внесение податей (т. 219, стр. 74).

Элементарные принципы научного исследования требуют проверки критериев анализа, прежде чем мы сможем принять основанные на этом анализе результаты. Скажем прямо: критерии, избранные П. Лемерлем, не являются удовлетворительными. Рассмотрим их последовательно.

Сосуществование крупной и мелкой земельной собственности присуще всякому классовому обществу: в тех или иных формах это явление наблюдается на древнем Востоке, в Греции и Риме, в средневековых государствах Европы и Азии, в капиталистических государствах наконец. Правомерно ли будет сделать из этого вывод, что общество за последние тысячелетия не сделало принципиальных шагов вперед и что современная Франция по своему аграрному строю не отличается от Шумера времен Урукагина? Вопрос, разумеется, совершенно риторический, и ответ на него не вызывает сомнений.

Столь же мало показателен и критерий дробности крупного землевладения. Действительно, дробным было крупное землевладение не только в протовизантийском Египте, как справедливо полагает П. Лемерль (т. 219, стр. 44), но и в странах „классического феодализма“, аграрный строй которых П. Лемерль отнюдь не склонен отождествлять с византийским.

То же самое можно было бы сказать и относительно свободного крестьянства, которое повсеместно существовало и в античных обществах, и в государствах раннего средневековья, хотя, впрочем, конкретное содержание понятия „свобода“ было различным в различных условиях⁵⁶. В этой связи мы хотели бы отметить желательность специального исследования понятия „свобода“ в Византии; впрочем, уже и сей-

⁵⁶ Ср. А. И. Н е у с ы х и н. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 33.

час можно было бы отметить коренное отличие византийского понятия „свободный“ (*ἐλεύθερος*) от римского *liber*. Если римская свобода противопоставляется рабскому состоянию (что совершенно естественно в условиях рабовладельческого общества), то в Византии „свободен“ тот, кто по какой-либо причине не внесен в податные списки: свобода здесь отождествляется с экскуссией⁵⁷. Только в поздний период византийской истории намечается некоторая эволюция термина *ἐλεύθερος*: с одной стороны, его противопоставляют теперь парикам-крепостным⁵⁸, с другой — термином „элеветеры“ обозначают особую категорию зависимого крестьянства⁵⁹.

Что же касается отождествления византийских париков с позднеримскими колонами, то в этом пункте мы никак не можем согласиться с П. Лемерлем. Позднеримские колоны (и особенно восточноримские *γεωργοί*) были людьми, прикрепленными к земле, к месту своего происхождения, к своей общине. К ним, нам думается, вполне применима та характеристика, которая была дана А. Б. Рановичем их предшественникам — эллинистическим „дарским земледельцам“. „Принадлежность к общине, — писал А. Б. Ранович, — дававшей каждому своему члену право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность по мере разложения общины и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к *idia*, которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей. Эта зависимость была, очевидно, не феодальной“⁶⁰.

Византийский парик не похож на восточноримского „георга“. Поздневизантийские парики — это феодальнозависимые крестьяне; их зависимость может принимать разнообразные формы, доходя до крепостничества: известно, что византийские сеньоры XIII—XIV вв. могли отделять крестьян от земли, переводить париков на новые места и даже дарить их⁶¹. Сложнее вопрос о париках IX в., с которыми, собственно говоря, и сравнивает позднеримских колонов П. Лемерль. Если оставить в стороне агиографические памятники, в которых термин „парик“ восходит к традиции Септуагинты и означает просто „присельник“, то первым упоминанием париков в византийских текстах следует считать рассказ Феофана о Никифоре I, приказавшем взимать капникон с париков императорских монастырей и иных духовных учреждений⁶². М. Я. Сюзю-

⁵⁷ См., например, G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, № 50, В. 37. Особенно показательным в этом отношении свидетельство Атталиата, называющего „действительно свободными и римскими гражданами“ (*Attaliota. Historia*, p. 284.7. Это — формула отпускных грамот — см. G. Ostrogorskiy. Quelques problèmes d'histoire, p. 73) не тех, кто получил свободу путем пожалования золотого перстня или пощечины, но избавленных от страха перед поборами (*φόβον τῶν ἀφλήματων*).

⁵⁸ Об этом свидетельствует, в частности, аргировул морейского деспота Феодора II (1407—1443) (см. Г. Острогорски. Две белешке о душановим хрисовулама светогорском манастиру Ивируну. — „Зборник матице српске. Сер. друштвених наука“, св. 13—14, 1956, стр. 79).

⁵⁹ См. Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. . . , стр. 270 сл.; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 134 сл.

⁶⁰ А. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 31 сл. Попытку разграничить позднеримских колонов и средневековых крепостных (применительно к Западу) см.: А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 67 сл.

⁶¹ G. Ostrogorskiy. Quelques problèmes d'histoire, p. 65 sq. Право феодала изменять характер повинностей париков засвидетельствовано уже памятником XI в. — типиком Бакуриани (L. Petit. Typicon de Grégoire Pacourianos. — ВВ, XI, 1904. Приложение, стр. 48.11).

⁶² Theophanes. Chronographia. Lipsiae, 1883, vol. I, p. 486.30.

мов предположил, что там речь идет о живущих „на щедроты монастыря“ странниках, которые до того не облагались каким-либо налогом⁶³: он, следовательно, толкует этот термин в духе библейско-агиографической традиции. Но если даже и не соглашаться с М. Я. Сюзюмовым (Феофан определенным образом связывает париков с монастырскими владениями), все равно это ранее известие настолько неопределенно, что из него нельзя сделать выводов о характере эксплуатации париков начала IX в. В юридических документах X—XI вв. (постановления магистра Косьмы, „Пира“) парик — это крестьянин, арендующий чужую землю, за пользование которой он платит капникон, а также, быть может, несет и иные повинности („Пира“, XVIII, 2). Земля, на которой он сидит, ему не принадлежит: магистр Косьма, запрещая церковным парикам отчуждать земли, подчеркивает, что именно церковь является господином, собственником этой земли⁶⁴. Постепенно, однако, формируются владельческие права парика: магистр Косьма указывает, что если парик уходит с земли, на которой он сидел, церковь обязана выдать ему материал его строений⁶⁵. Еще дальше идет автор „Пир“, писавший в середине XI в.: по его словам, парики после 30-летнего пользования наделом приобретают квази-владельческие права („Пира“, XV, 2). Перед нами — картина „феодализирующейся аренды“, иначе говоря, аренды, превращающейся в крестьянское владение феодального типа; аналогичный процесс мы можем наблюдать в средневековой Италии⁶⁶ и во многих других странах „классического феодализма“.

Таким образом, тезис о тождестве византийского парика с позднеримским колоном не доказан П. Лемерлем, да и не может быть доказан: если само по себе крупное землевладение присуще и рабовладельческому, и феодальному обществу, то формы эксплуатации, как правило, составляют специфику данного общественного строя.

Что же касается последнего критерия, предложенного П. Лемерлем, то мы позволим себе коренным образом разойтись с автором рецензируемой работы и утверждать, что так называемое византийское средневековье не знает принудительного взыскания с соседей налогов за опустевший участок.

Феофан, рассказывая о „злодеяниях“ Никифора I, называет среди них также и установление обязанности односельчан платить подати друг за друга⁶⁷. Это свидетельство противоречило воззрениям всех тех, кто подобно П. Лемерлю полагал, что система принудительного взыскания налогов с соседей неизменно сохранялась начиная с протовизантийского периода. Так, Ф. Дэльгер утверждал, что это постановление не было введено Никифором⁶⁸, однако он не выдвигал каких-либо аргументов в защиту своего тезиса, кроме призыва „внимательно прочитать текст Феофана. Г. А. Острогорский полагал, наоборот, что постановление Никифора не содержало чего-либо нового, ибо эта система была известна уже ранее⁶⁹. Однако у нас нет никаких оснований отбрасывать прямое свидетельство хрониста, которое, как мы сейчас увидим, подтверждается и другими памятниками.

⁶³ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . . , стр. 77, примеч. 38.

⁶⁴ Ф. Успенский, В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXXV.

⁶⁵ Там же, стр. XXXVI.

⁶⁶ М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.). — ВВ, VII, 1953, стр. 173 сл.

⁶⁷ Theophanes, vol. I, p. 486.25.

⁶⁸ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 129 f.

⁶⁹ G. Ostrogorsky. History of Byzantine State. Oxford, 1956, p. 167.

„Злодеяния“ Никифора были, по-видимому, отменены после его смерти. И тем не менее уже во второй половине IX в. мы встречаемся с новой попыткой возложить на соседей обязанность платить налоги за покинутые наделы. Мы имеем в виду известие Продолжателя Феофана о попытке реформировать податное обложение при Василии I, использованное, как мы уже говорили, и П. Лемерлем (т. 219, стр. 256 сл.).

Это известие, по мнению П. Лемерля, может быть истолковано двояко: либо как свидетельство об установлении ответственности соседей за уплату податей, либо как рассказ о введении системы класм, описанной в „Трактате об обложении“ и состоявшей в том, что заброшенные земли (так называемые класмы) отчуждались от общинной территории и передавались посторонним лицам. Сам П. Лемерль склоняется в пользу последней точки зрения (т. 219, стр. 263).

Конечно, сообщение Продолжателя Феофана весьма неопределенно и позволяет строить различные гипотезы, но действительно ли мы должны предпочесть вторую версию? По словам Продолжателя Феофана, земли, о которых шла речь в проектируемой реформе, использовались соседями из числа бедняков (τοῖς γεῖτονοῦσι τῶν πενήτων)⁷⁰. Власти закрыли глаза на это, но логофет геникона при Василии I предложил обязать этих людей уплатой налогов. Что здесь общего с системой класм, которая, как совершенно справедливо полагает П. Лемерль, вела к разрушению общины: как показал уже Г. А. Острогорский на основе анализа лаврской грамоты 941 г., класма переходила в руки крупных собственников, не являвшихся членами общины⁷¹. Наоборот, естественно предположить, что речь идет о реформе, аналогичной рассмотренному выше мероприятию Никифора I, — о попытке возложить на соседей ответственность за уплату податей с опустевших наделов.

Итак, дважды на протяжении IX в. предпринималась попытка установить систему коллективной ответственности за уплату податей: при Никифоре I и при Василии I. Ни в том ни в другом случае эта система не утвердилась: во времена Василия I крестьяне даже могли пользоваться опустевшей землей соседей, не уплачивая податей. Но если эту систему еще только пытались вводить в IX в., как же можно считать, что она уже существовала в VIII в.?

Основанием для подобного предположения, как известно, служат некоторые статьи „Земледельческого закона“ (ст. 18—19). Однако ст. 19 не знает ответственности крестьян за односельчанина-недоимщика, она говорит лишь об обязанности выполнять повинности в том случае, когда кто-нибудь пользуется землей отсутствующего соседа. Согласно ст. 18, если крестьянин покинет свою деревню, урожай на его участке могут собрать οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαίτούμενοι. Но кто эти ἀπαίτούμενοι — соседи, староста или вообще всякий член общины, выполняющий государственные повинности, — остается неясным. Ж. Малафосс, например, предполагал, что этим термином обозначаются сборщики податей⁷². Сле-

⁷⁰ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 348,2—6.

⁷¹ G. Ostrogorsky. The peasant's preemption right. — „Journal of Roman Studies“, vol. 37, 1947, p. 122 f.

⁷² J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. — Recueil de l'Académie de Législation, vol. 19, 1949, p. 39. Следует отметить, что Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jhd. — „Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte“, Bd. 20, 1927, S. 30, A. 2) читал в ст. 18: οἱ τὰ δημοσία ἀπαίτούμενοι, что можно понять как „обязанные уплатой налога“ (впрочем, и как „собирающие налог“), тогда как в критическом издании В. Эшбернера мы находим: τῷ δημοσίῳ ἀπαίτούμενοι λόγῳ, т. е. „ответственные

дует еще обратить внимание на ст. 21, которая свидетельствует, что обработка чужой заброшенной земли носит добровольный характер, коль скоро эта статья предусматривает *отказ* нового владельца вернуть освоенную им землю.

Таким образом, мы видим, что „Земледельческий закон“ не содержит бесспорных свидетельств о существовании системы коллективной фискальной ответственности, а нарративные источники позволяют утверждать, что попытки ввести эту систему еще только предпринимались в IX в. Следовательно, ни один из критериев П. Лемерля не дает оснований отождествлять аграрный строй протовизантийского периода и так называемого византийского средневековья.

Что же в действительности произошло в аграрном строе Восточной Римской империи в VI—VII вв., что позволяет нам говорить о коренных сдвигах, об аграрном перевороте?

Прежде всего речь должна идти об исчезновении рабовладельческой системы производства. Это не значит, что рабство как *уклад* не существовало в последующее время: рабов упоминает даже „Земледельческий закон“, а во второй половине IX в. мы можем проследить некоторые тенденции к укреплению рабовладельческого хозяйства⁷³. Однако достаточно сравнить памятники IV в. с „Земледельческим законом“, чтобы увидеть, насколько изменилось за это время место рабов в хозяйственной жизни страны. Речь антиохийского куриала Ливания „О рабстве“ начинается следующими, весьма показательными словами: „Эти два слова: раб и свободный — везде на устах: в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и челноках“⁷⁴. Проблема отношения к рабам занимает весьма значительное место в произведениях Иоанна Златоуста⁷⁵, и это свидетельствует, что данный вопрос был в ту пору весьма актуальным.

В отличие от этого „Земледельческий закон“ и современные ему памятники говорят лишь о случайном, спорадическом и ограниченном применении рабского труда; в частности, все пять случаев упоминания рабов в „Земледельческом законе“ относятся к скотоводству⁷⁶. Проблема рабства не поднималась, насколько мы знаем, византийскими философами и богословами VIII—IX вв.

Судьба рабовладения тесно переплетается с судьбой восточноримских полисов, ибо центрами рабовладения на Востоке были именно города (известно, что во II в. н. э. крупным центром рабовладения был малоазийский город Пергам⁷⁷, большое число рабов было в Антиохии IV в.⁷⁸). В VII в. большая часть восточноримских городов переживает серьезный упадок, засвидетельствованный археологическими и нумизма-

перед казной“, а это оставляет возможность для более широкого и свободного понимания текста.

⁷³ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв., стр. 78.

⁷⁴ Libanius. Orat., XXV, I. См. русский перевод: С. Шестаков. Речи Ливания, т. I. Казань, 1916, стр. 399.

⁷⁵ Г. А. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, вып. 2, 1958, стр. 92 сл. При этом, по-видимому, тенденция к уменьшению роли рабского труда уже давала себя знать в IV—VI вв. (см. W. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 133 f.).

⁷⁶ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 129.

⁷⁷ W. Westermann. The Slave Systems..., p. 87.

⁷⁸ F. Heichelheim. An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV Baltimore, 1938, p. 165.

тическими данными⁷⁹. Помимо Константинополя и, может быть, еще двух-трех центров, рабовладельческие полисы Балкан и Малой Азии перестали существовать.

Параллельно мы можем наблюдать процесс вытеснения крупной земельной собственности мелким землевладением; последнее обстоятельство признает и П. Лемерль, который при этом настаивает на эволюционном течении процесса. „Я не вижу революции“, — говорит он (т. 219, стр. 69). Весьма существенно было бы выяснить, сколь значительным было сокращение доли крупной земельной собственности на протяжении VII в. К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких статистических данных, и мы можем только догадываться о размерах крупных владений VIII—IX вв. Нам хотелось бы только отметить, что приведенные П. Лемерлем примеры крупных владений этого времени (т. 219, стр. 66 сл.) далеко не всегда бесспорны.

Один из них заимствован из „Жития Филарета Милостивого“, где рассказывается о Филарете, жителе деревни Амния, которой был собственником 50 проастиев⁸⁰. Впрочем, в другом варианте этого „Жития“ говорится о 48 проастиях⁸¹. Уже Г. А. Острогорский в рецензии на книгу Ж. Руйар справедливо заметил, что о Филарете можно говорить лишь как о зажиточном крестьянине⁸². Дело не только в том, что агиограф прямо называет Филарета сыном крестьянина Георгия, бывшего сельским старостой⁸³. Более существенно то, что владения Филарета не выходят за пределы *одной* деревни, где, кроме него, живет немало других самостоятельных землевладельцев — „династов“ и крестьян, как говорит агиограф⁸⁴. Проастии Филарета — не более чем крестьянские надель (в византийской деревне XIV в. крестьяне нередко имели по 20—30 мелких надель⁸⁵); превращение этих надель в проастии нужно отнести на счет агиографа, стремившегося подчеркнуть смирение „святого мужа“, безропотно сносившего переход от богатства к бедности.

Второй пример, привлеченный П. Лемерлем, относится к известию Константина Багрянородного о митрополии Андрея Патрского, однако, как мы уже стремились показать, рассказ Константина не дает никаких оснований говорить о крупной вотчине с зависимыми крестьянами: речь идет только о том, что государственные повинности (постой), которые прежде выполняла митрополия Андрея Патрского, теперь перелagались на славянские общины в окрестностях Патр; митрополии *запрещалось* переводить на деньги эту крестьянскую повинность⁸⁶.

Таким образом, масштаб аграрного переворота VII в. был, по-видимому, более значительным, нежели это представляется П. Лемерлю.

С сокращением размеров крупного землевладения связано также ограничение (если не полное исчезновение) старых форм прикрепленно-

⁷⁹ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. — СА, т. 21, 1954, стр. 187.

⁸⁰ А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. — ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 64.21.

⁸¹ М. Н. Fourmy — M. Leroy. La vie de S. Philarète. — Byz., vol. 9, 1934, p. 113.9—10.

⁸² G. Ostrogorsky. — BZ, Bd. 47, 1954, S. 422.

⁸³ А. Васильев. Ук. соч., стр. 64.15—17. Этого места нет в геноузской рукописи, изданной М. Фурми и М. Леруа, в издании которых пользовался „Житием“ П. Лемерль.

⁸⁴ А. Васильев. Ук. соч., стр. 65.33—34.

⁸⁵ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 60.

⁸⁶ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья. . . , стр. 114 сл.

сти к земле (см. об этом выше, стр. 106). Наконец, нам представляется возможным проследить изменение характера византийской общины⁸⁷.

Таким образом, мы полагаем, что есть все основания говорить о существенных сдвигах в аграрном строе Восточной Римской империи в VII в. Разумеется, скудость источников не позволяет выявить характер аграрного переворота в деталях, однако мы можем считать установленными такие факты, как исчезновение рабовладельческой системы производства, связанной с существованием позднеантичного полуса; значительное сокращение удельного веса крупной собственности и преобладающая роль мелкой собственности; исчезновение (или значительное сокращение) старых форм прикрепленности к земле; изменение характера общины.

Мы не станем здесь затрагивать специально вопроса о причинах аграрного переворота VII в. Нам хотелось бы только обратить внимание на одно обстоятельство. П. Лемерль, говоря об эволюции аграрного строя в это время (как мы видели, эволюцию как совокупность количественных перемен он признает), обуславливает ее демографическими переменами: это „радикальное изменение“ (*changement radical*) связано, по его словам, со славянскими вторжениями, однако не с прямым влиянием общественных порядков славян, но с тем фактом, что увеличившееся народонаселение империи ликвидировало недостаток в рабочих руках (т. 219, стр. 64)⁸⁸. Попытки объяснить экономическое развитие при помощи демографических факторов широко распространены в западной средневековой истории вообще и нередко применяются к рассмотрению судеб Поздней Римской империи. Однако нам кажется, что перемены были слишком значительными, чтобы их можно было свести целиком к воздействию демографических факторов. В частности, вряд ли к простым демографическим переменам можно свести появление в византийской общине VIII—X вв. элементов родового быта, от которого были свободны позднеермские митрокопии IV—VI столетий⁸⁹. Мы полагаем, что объяснение этих перемен надо искать в воздействии двух сил: во влиянии аграрного строя вторгавшихся на территорию империи „варварских“ народов, прежде всего славян, и в той экономической тенденции, которая была присуща уже истории последних веков Римской империи, — тенденции к укреплению мелкого, самостоятельного хозяйства непосредственных производителей⁹⁰. В этой связи стоит напомнить, что и сам П. Лемерль, опираясь на работу Г. Чаленко, отмечает факт раздела латифундий в Северной Сирии начиная с IV в. (т. 219, стр. 42, примеч. 5).

Стремление П. Лемерля подчеркивать консерватизм Византии простирается, наконец, еще в одном вопросе — в его попытках доказать, что в Византии государство всегда оказывало чрезвычайно большое воздействие на аграрные отношения (т. 219, стр. 74) и что это воздействие постоянно шло в одном направлении. Последний тезис П. Лемерль выдвигает в связи с анализом аграрного законодательства Никифора Фоки. В буржуазной историографии вообще принято рассматри-

⁸⁷ Э. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10, стр. 83 сл. П. Лемерль, однако, признает лишь существование фискальной общины, неизменной на всем протяжении византийской истории (т. 219, стр. 259 сл.)

⁸⁸ Ср. также роль, которую П. Лемерль отводит чуме 541—544 гг. в экономической истории протовизантийского периода (т. 219, стр. 48).

⁸⁹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины. . . , стр. 36.

⁹⁰ Э. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы. . . , стр. 86 сл.

вать императорскую власть (государство) в Византии как абстрактную категорию, руководствовавшуюся не классовыми интересами, а идеей общего блага, и проводившую в соответствии с этим определенную политику, направленную на ограничение крупной собственности⁹¹. Некоторое исключение делалось лишь для Никифора Фоки, законодательство которого оценивалось как аристократическое, феодальное, реакционное⁹². Именно против этой точки зрения и выступает П. Лемерль, полагая, что новеллы Никифора Фоки не отличались от новелл его предшественников (т. 220, стр. 53).

Нам кажется, что вопрос этот шире, нежели просто оценка законодательства одного императора — Никифора Фоки. В действительности императорская власть на том или ином этапе выступала как выразитель интересов той или иной группировки господствующего класса. Не только Никифор Фока, но и Константин VII проводил политику, отличную от политики Романа Лакапина. П. Лемерль не видит этого обстоятельства, потому что он изучает не всю совокупность данных источников о политике Романа Лакапина, Константина VII или Никифора Фоки, а лишь их широковещательные заявления в новеллах. Совершенно по-иному начинаешь оценивать новеллы, если рассматривать их в связи с известиями нарративных памятников. В частности, Продолжатель Феофана рассказывает, что Константин VII „слышал о несправедливостях и поборках, которым подвергались при его тесте Романе несчастные и почтенные «убогие» со стороны стратигов и протонотариев, стратиотов и всадников, и он послал благочестивых и почтенных мужей, чтобы облегчить бремя податей, взимавшихся с несчастных бедняков“⁹³. Из слов Продолжателя Феофана видно, что Роман Лакапин проводил политику охраны „убогих“ от динатов не ради самих „убогих“ и не ради „общего блага“, но в целях усиления податного гнета. Окружение Константина VII осуждало эту политику. В новеллах Константина VII мы также найдем осуждение налоговой политики Романа Лакапина⁹⁴.

Обращаясь к аграрному законодательству самого Константина, мы видим, что он придерживался основных принципов, развитых в новелле Романа от 934 г. Однако в новеллах Константина главное внимание уделено вопросу о выкупе крестьянской земли, захваченной динатами. Особенно существенно в этой связи свидетельство новеллы Романа II о не дошедшей до нас новелле Константина VII, изданной по просьбе архонтов, записанных в стратиотские списки, которой на беднейших крестьян — вразрез с новеллой 934 г. — была возложена обязанность возмещать уплаченную цену⁹⁵. Естественно, что мы вправе рассматривать это постановление как выгодное для динатов.

Здесь не место подробно анализировать все аграрное законодательство императоров X в. Но и сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу, отличному от сделанного П. Лемерлем: мы не можем говорить о едином потоке аграрного законодательства византийских императоров — в действительности каждый из них проводил свою линию, отражая интересы определенной социальной группировки.

Мы рассмотрели более или менее подробно основную концепцию работы П. Лемерля. Рецензируемая статья затрагивает много вопросов

⁹¹ См. особенно „Byzantium“, Oxford, 1948, p. XVIII f.

⁹² P. Charanis. On the Social Structure of the Later Roman Empire. — Byz., vol. 17, 1944—1945, p. 52.

⁹³ Theophanes Continuatus, p. 443.13—18.

⁹⁴ Jus, vol. III, p. 266. 1; ср. ibid., p. 265.30—31.

⁹⁵ Ibid., p. 282.17—20

первостепенной важности, и далеко не на всех мы могли остановиться. Кое-где наши возражения по необходимости были слишком краткими, чтобы оказаться достаточно убедительными. И все-таки мы считаем возможным дать общую оценку статьи П. Лемерля.

Рецензируемая работа представляет чрезвычайно большой интерес. Дело не в количестве привлеченного материала и не в оригинальных частных наблюдениях, которых немало в ней. Статья Лемерля представляется нам интересной потому, что это максимально квалифицированное изложение той „антифеодалистской“ точки зрения, которая сложилась в буржуазном византиноведении как реакция против основных положений советской историографии. Основной тенденцией советского византиноведения является выяснение развития византийского аграрного строя в рамках феодальной общественно-экономической формации, основной тенденцией П. Лемерля является стремление покончить как с идеей развития, так и с представлением о феодализме. Но П. Лемерль не может быть последовательным в своей концепции: как честный ученый, хорошо знающий факты, он волей-неволей вынужден противоречить себе. Отсюда рождается его теория „радикальных перемен“ VII в.: П. Лемерль гонит в дверь теорию аграрного переворота, но вынужден пустить ее в окно. Разве уж так велика разница между понятиями „аграрный переворот“ и „радикальные перемены“? Но П. Лемерль боится слова „революция“, он спешит оговориться, что эти радикальные перемены были эволюцией, но не революцией... Разрабатывая свою теорию „класмы“, сам П. Лемерль исходит из анализа путей закабаления византийской общины. При свете этой теории бледнеет абстрактный фетиш „фискальной общины“, за который еще держится П. Лемерль: община выступает прежде всего как коллектив земельных собственников, постепенно теряющий свои земли в борьбе с государством — органом господствующего класса, добавим мы от себя.

Статья П. Лемерля ценна для нас потому, что она облегчает возможность *размежеваться* с буржуазными историками аграрного строя Византии, облегчает выяснение концепции, противостоящей нашим воззрениям. И нам кажется, мы вправе сказать, что П. Лемерлю не удалось поколебать основных позиций советского византиноведения: ни его возражения против византийского феодализма, ни его представления о застойности аграрного строя Византийской империи не могут считаться достаточно аргументированными.